

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Григорьева О. В.
Нижний Тагил, Россия

ДИСКУРС, ВОЙНА И ТЕРРОРИЗМ

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Рецензия на коллективную монографию: *Дискурс, война и терроризм* / Под. ред. А. Ходжеса, Ч. Найлепа. – Амстердам, Филадельфия, 2007 – 261 с.

Ключевые слова: дискурс, война, терроризм, политическая лингвистика.

Сведения об авторе: Григорьева Ольга Владимировна, ассистент.

Место работы: Нижнетагильская государственная педагогическая академия.

Контактная информация: 622031, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.

E-mail: olgagrigoryeva@mail.ru.

Grigorieva O.V.
Nizhny Tagil, Russia

DISCOURSE, WAR AND TERROR

ГСНТИ 16.21.27

Код БАН 10.02.19

Abstract. Book review: *Discourse, War and Terror* // Ed. A. Hodges, Ch. Nilep. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. – 261 p.

Key words: discourse, war, terror, political linguistics.

About the author: Grigorieva Olga Vladimirovna, assistant.

Place of employment: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy.

622031, Nizhny Tagil, ul. Krasnogvardeyskaya, d. 57.

E-mail: olgagrigoryeva@mail.ru.

Монография посвящена научной рефлексии событий, произошедших после 11 сентября 2001 г. в Нью Йорке. Политические и культурологические исследования, которые появились сразу после взрыва зданий Всемирного торгового центра, сфокусировали внимание, как на самих событиях, так и на их истории и последствиях, освещая произошедшее в критическом ракурсе. По мнению редакторов издания, отличие данной монографии от многих других, последовавших за трагедией, заключается в том, что фокус исследователей направлен на дискурс – язык администрации и СМИ, который лег в основу нового восприятия действительности.

По мнению авторов, именно язык заключает в себе способность пролить свет на решение основных вопросов, которые возникли после 11 сентября, и продемонстрировать механизм формирования социально-политической реальности дискурсом. При этом термин «дискурс» в монографии определяется в соответствии с социально-психологической парадигмой исследований. Согласно ей, дискурс понимается как явление не только отражающее события, происходящие в мире, но также как средство их интерпретации, которое формулирует общественное сознание и конструирует социально-политическую реальность.

Пытаясь найти ответы, касающиеся причин трагических событий и идентифицировать лиц, которые стали их провокаторами, авторы поднимают вопросы о символических границах дихотомии «свои» и «чужие», идеологии, национальной идентичности и символах, таких как «демократия», «цивилизованность», «экономическое могущество».

Методология издания основывается на критической теории Хоркхаймера, лингвистической антропологии и социолингвистике, а также критическом дискурс-анализе, ориентированном на изучения «языка в действии», т.е. языка в кон-

тексте текущих социально-политических событий.

Методологические воззрения ученых, чьи идеи представлены в монографии, также основаны на исследовательском потенциале прочих теорий. В работах использованы методики анализа языка, заимствованные из критической лингвистики и критического дискурс-анализа, получившие развития в системной функциональной лингвистике (А. Лазар и М. Лазар, Д. Мачин, А. Бекер, М. Стенвалль).

В монографии также представлены работы, написанные в рамках теории концептуальной метафоры. Например, одной из самых распространенных метафор, последовавших за событиями 11 сентября, стала «война с терроризмом». Подобные когнитивные явления позволяют использовать опыт из прошлого, чтобы осмыслить новое событие, поэтому различное использование метафор подразумевает и различное отношение к происходящему. Так, М. Стоккетти характеризует метафору «крестового похода» в новостях, А. Лазар и М. Лазар анализируют использование метафор в речи администрации США.

П. Данмайер («Возникающая угроза» и «надвигающаяся опасность»: *Обращение к будущему для оправдания превентивной войны*», Глава 2) анализирует репрезентацию политиками категории «будущее». Используя в качестве источников языкового материала «Национальную стратегию безопасности», а также речи Дж. Буша, она приходит к выводу, что правительство США ставит себя в привилегированное положение в вопросах осведомленности и степени участия в грядущих событиях. По мнению исследователя, такое видение имеет глобальные последствия, т.к. оно воплощает убежденность американского правительства в том, что только их взгляд на будущее реалистичен, и, соответственно, ход событий должен быть именно таким, как они предсказывают. При

этом обещанное иракским гражданам мирное будущее, по мнению автора, является не больше чем иллюзией, т.к. ситуация в Ираке 2005 г. ничуть не отличалась от 2003 г.

Согласно исследователю, американское правительство говорит о будущем, трансформируя свои политические стратегии и цели в язык «угрожающей опасности», «возникшей угрозы» и «необходимой защиты». Процесс мистификации, который скрывает политические планы и стратегии правительства Буша, также связан с его высказываниями о «превентивной войне». Автор делает вывод, что «будущее» представляет собой некий вакуум («пустую» и «бесцветную» категорию), который открыт для наполнения любым содержанием, и, соответственно, невероятно восприимчив к политическим манипуляциям.

В работе (*Установление справедливости и оправдание силы: оправдание жестокости Америкой в «Новом мировом порядке», Глава 3*) исследователи А. Лазар и М. Лазар прибегают к понятию дискурса, вооружившись теоретическими достижениями М. Фуко, в работах которого этот термин используется для реконструкции «Нового порядка». Под этим термином авторы подразумевают дискурсы СМИ после событий 11 сентября, обязывающие воспринимать действительность через призму прессы. Авторы изучают оправдательные стратегии США, которые используются в управлении и защите «Нового мирового порядка». Согласно исследователям, жестокость со стороны врага оценивается как неоправданная и аморальная, в то время как агрессия США считается средством поддержания мира и оправдывается этически — как вынужденная мера, предпринятая против «неуправляемого врага». Такой результат обеспечивается использованием двух фреймов: действия Америки расцениваются как самооборона и, одновременно, как праведная война (война оправдывается как единственно возможный вариант при сложившихся обстоятельствах), восстановление справедливости (США наказывает провинившегося и восстанавливает status quo между агрессором и его жертвой). Согласно авторам, возникший «Новый порядок» одновременно представляет врага как «изгоя», а также оправдывает его наказание за угрозу нормам и ценностям этого порядка.

Исследования по интерсубъективности легли в основу работы А. Ходжеса (*Конструкция идентичности в нарративе: «Адекватация» (Выравнивание) портретов Садама Хуссейна и Усамы бен Ладена в «войне с терроризмом», Глава 4*), который занимается вопросами социально-политического конструирования идентичности. По мнению автора, идентичность является символической конструкцией, получающей реализацию в дискурсе. Исследователь пользуется теориями нарратива для того, чтобы охарактеризовать политическую речь. Со-

гласно автору, дискурсивная тактика выравнивания (adequation) служит для того, чтобы охарактеризовать различия и оценить сходства, которые иногда являются релевантными. В нарративе президента Дж. Буша, посвященному «войне с терроризмом», дискурсивные стратегии привели к приравниванию Усамы Бен Ладена и Аль-Каиды. В этом случае стратегия «абдекации» помогает легитимировать вторжение США в Ирак.

Методологической базой для монографии послужили также феминистические теории. В работе К. Лемонс (*Дискурсы свободы: пол и религия в американских СМИ, Глава 5*) раскрываются особенности представлений о мусульманской женщине в западном мире, которые, по мнению автора, формируют дискурс «спасения». Вместо того, чтобы «признавать» и «уважать» различия, существующие между западными и восточными женщинами, СМИ ставят мусульманскую женщину в положение, согласно которому она не способна иметь собственного мнения. Согласно автору, портретизация иракских женщин глазами *New York Times* формирует дискурс, который является одним из наиболее влиятельных и неизученных нормативных убеждений и использует тему женского тела и Ислама в качестве предмета обсуждения и меры прогресса.

Г. Стольтс (*Арабы в утренней печати: Изменяющаяся идентичность*) на примере использования термина «араб» в западной прессе демонстрирует, насколько эффективно взаимодействуют критический дискурс-анализ и количественные методы. По мнению исследователя, лишь одно слово, способно сформулировать дискурс «различия». «Араб» в прессе обладает региональными, религиозными и этническими категориальными признаками, которые, сосуществуя друг с другом, создают «многоликий» и вводящий в заблуждение образ жителя Ближнего Востока.

Так называемый мультимодальный анализ одновременно рассматривает репрезентацию социальных событий при помощи лингвистических и визуальных средств. Д. Мачин (*Визуальные дискурсы войны: Мультимодальный анализ фотографий иракской оккупации, Глава 7*) адаптирует данный подход для того, чтобы описать, как солдаты, враги и мирное население позиционируются для читателя в военной фотографии в СМИ. По мнению автора, именно фотографии способны раскрыть ключевые дискурсы США. Официальный язык правительства, сопровождающий военную кампанию, во многом похож на другие конфликты, в то время как фотографии отображают изменения, которые произошли в репрезентации милитаристского дискурса. В целом, военные действия США визуально представлены как средство поддержания мира, которое организуется небольшими группами профессионально подготовленных и технически оснащенных солдат, своими дейст-

виями защищающих мирных граждан. В отличие от предыдущих войн, фотографии исключают темы вражеских потерь. Согласно исследователю, эти фотографии являются доказательством того, что Запад отрицает свою ответственность за беспорядки на Ближнем востоке, а тот способ, при помощи которого нам представлены события в Ираке, лишен социально-политического контекста.

Б. Шкултис и А. Боум (*Мученники и террористы, Противостояние и Восстание: Контекстуализация ответов на террористический дискурс на Аль Джазире, Глава 8*) пользуются идеями М. Бахтина о диалогизме, гетероглосии и интертекстуальности. Авторы прибегают к этим концепциям для того, чтобы показать, как выступления американского правительства подвергаются реконтекстуализации на канале АльДжазира. Представляя язык через призму критической теории уже по другую сторону «баррикад», авторы показывают, что арабское телевидение стремится одновременно вписаться в западные стандарты объективности и оправдать арабские ожидания.

А. Бекер (*«Мы» и «Они»: Два телевизионных интервью с канцлером Германии Г. Шредером в начале старта войны в Ираке, Глава 9*) анализирует «ответ» на войну в Ираке уже со стороны Европейского содружества, апеллируя к особенностям внутренней политической стратегии Германии. По мнению автора, Г. Шредер, обсуждая вопросы войны в Ираке, меняет маски политической ориентации. Возникшая в результате такого дискурса дихотомия «свои»/«чужие» противопоставляет соревнующиеся фракции на политической арене Германии, а тема войны в Ираке служит для манипуляции общественным мнением во время борьбы за власть внутри страны.

Исследование З. Волки и К. Ейравек (*Дискурс войны и терроризма в Сербии: Мы уже боролись с террористами в Боснии..., Глава 10*) заимствует методологию лингвистической антропологии. Авторы используют этнографические методы в анализе интервью с юными представителями сербской интеллектуальной элиты для того, чтобы выяснить, как они относятся к актуальному дискурсу «войны с террором», принимая во внимание недавние локаль-

ные конфликты, свидетелями которых они стали в собственном регионе.

М. Стенвалль (*«Страх террористической атаки остается»: Конструирование страха в репортажах о терроризме в международных новостях, Глава 11*) при помощи текстологического анализа описывает механизм формирования чувств страха, беспокойства и озабоченности в новостях, посвященных проблеме терроризма. По мнению автора, именно абстрактные страхи, в результате, становятся ответом на террористическую угрозу.

Лингвистический анализ средств создания чувства страха также стал темой для философско-культурологического обозрения М. Стокчетти (*Политика страха: критическое исследование роли агрессии в политике 21 века, Глава 12*), в котором автор обращается к проблеме страха и агрессии в политике нового тысячелетия. Приводя в пример метафоры «крестового похода», а также «столкновения цивилизаций», автор пытается преодолеть «паралич критической мысли» (термин Г. Маркузе) и усмотреть, что дегуманизация врага зачастую происходит, не только неоправданно, но и вне всякого рационального побуждения.

Данная монография посвящена лингвистическому исследованию нарратива, возникшего после событий 11 сентября 2001 г. По мнению авторов коллективного исследования, дискурсы, возникшие в административных речах, печати и СМИ, сформулировали специфичное восприятие и понимание президентской кампании «войны с терроризмом» в США, Европе и Ближнем Востоке. Критический анализ лингвистических средств, которые сформулировали этот дискурс, по мнению авторов, способен развенчать некоторые мифы, созданные официальной прессой, а критическое отношение к происходящим событиям, возможно, будет способствовать возврату к гуманистическим ценностям и идеалам, вместо разжигания агрессии и эскалации вражды, которые провоцирует этот дискурс. Используя различные методологические парадигмы исследований, авторы стремятся показать, насколько мощным средством является язык при манипуляции общественным мнением.

© Григорьева О. В., 2009